

Проблема воспроизводства сталинизма: от ВПК до рептильных реакций

Макаренко В. П.,

доктор философских и политических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра политической концептологии
Института философии и социально-политических наук
Южного федерального университета,
vpmakar1985@gmail.com

Аннотация: В статье осуществлена попытка осмысления факта: Россия занимает одно из ведущих мест в производстве и торговле оружием, но абстрагируется от возникающих по этой причине нравственных и политических проблем. Рассматриваются общие тенденции постсоветской России и переход от реформ к реакции после 2000 г. Автор предлагает воспользоваться опытом известного историка философии В. В. Соколова. Формулируется общая проблема связи между резкими изменениями политического курса правительства в целях идеологического оправдания произвола высшего уровня политической иерархии под предлогом краткосрочной политической выгоды и специфическим пониманием прагматизма.

Используется личный опыт автора в осознании и осмыслении данной проблемы. Показано, что аксиологическая сфера формируется намного раньше логико-гносеологической и определяет большинство последующих выборов. Специфика системы ценностей, сложившейся в условиях культивируемой сверху межеумочности, состоит в умении при любых обстоятельствах культивировать дистанцию между официальной идеологией и политикой власти и их реальным протеканием.

В этом контексте рассматриваются альтернативы существующему порядку вещей.

Ключевые слова: сталинизм, современная Россия, военно-промышленный комплекс, советское и современное двурушничество, межеумочное состояние.

Фундаментальный труд Е. А. Добренко завершается выводом: «По своей политической культуре, ментальному профилю, практикам повседневности и исторической памяти современное российское общество в целом — все та же советская нация, основные параметры которой окончательно сложились в эпоху позднего сталинизма. Не удивительно, что с тех пор она непрестанно воспроизводит различные его модификации. С завершением сталинской эпохи казалось, что сталинизм никогда не повторится, а оказалось, что он и не кончился» [Добренко, 2020, с. 549]. Поэтому разработанные для анализа сталинизма концепции сохраняют свой эвристический потенциал.

То же самое можно сказать об элементах советского общества, среди которых военно-промышленный комплекс (далее ВПК) был одним из важнейших. А. П. Огурцов определил

ВПК как целостность военной промышленности и милитаристской идеологии, «...для которой весь мир — враги, и флюс в научных разработках, где подавляющее место занимали именно исследования, ориентированные на применение в военных целях» [Огурцов, 2010, с. 11]. Описание этого флюса начну с констатации: взгляд на историю XX в. через призму деятельности Гитлера и Сталина ведет к фальсификации исторических событий [Арендт, 2004, с. 67–69]. Гитлер давно ушел из жизни, а память об эпохе нацизма в Германии подверглась всесторонней переработке¹. По определению М. Я. Гефтера, Сталин «умер вчера». Это «вчера» длится более тридцати лет — по причине трансляции политики, институтов и отношений позднего сталинизма в современную российскую реальность. Накопленная в России за это время система теоретических и практических фальсификаций может составить предмет особого исследования. Ее очерк содержится в формуле: на протяжении этого периода происходит перенос так называемого зла агрессии в текущее зло российской современности [Лоренц, 1994; Бауман, Донскис, 2019].

С этой точки зрения ВПК есть важный механизм трансляции методов Второй мировой войны в состояние «воинственного мира», в котором человечество живет после ее окончания [Арон, 2000; Арон, 2002, с. 495]. В период Второй мировой войны в СССР сложился союз ученых с военными, политиками, чекистами и инженерами. Во время холодной войны аппарат КПСС пытался установить жесткий идеологический и административный контроль над научным сообществом. Но стратегическое значение научных исследований позволяло академической бюрократии противодействовать намерениям аппарата. Часть научного сообщества питалась иллюзией о независимости науки от властных структур. Однако в целом советское научное сообщество представляло симбиоз чистой науки и ВПК [Наука и кризисы, 2003, с. 823–826]. Этот симбиоз существует до сих пор. Сегодня Россия занимает одно из ведущих мест в производстве и торговле оружием, но абстрагируется от возникающих по этой причине нравственных и политических проблем. Надо двинуться по пути их осмысления.

В постсоветской России к началу 2000-х гг. сформировались следующие общие тенденции: резкое социальное расслоение общества, отбрасывание большей части населения в бедность и нищету; каналы вертикальной социальной мобильности для большинства закрыты, общество приобрело кастовый характер; дети социальной верхушки (банкиров, правительственных чиновников, генералов и пр.) обречены на то, чтобы стать ее частью; для улучшения социального статуса надо получить исключительно хорошее образование, а для 95% населения это нереально; произвол правоохранительных органов, коррупция чиновничьего и судебного аппарата; дегуманизация общества, пропаганда насилия и эгоизма через СМИ, превращение насилия и аморализма в норму, уничтожение культуры и навязывание маскульту; превращение России из сверхдержавы в отсталую страну третьего мира; саморазоблачение властвующей элиты как клептократической, разворовывающей государственную собственность и национальное достояние и сросшейся с криминальным миром; уничтожение природы, расхищение природных запасов; разгул наркомании, алкоголизма, детской и подростковой проституции и порнобизнеса, социальных болезней; наступление клерикализма и религиозного обскурантизма, расцвет сект, насильственное

---

¹ На эту тему существует огромное количество литературы. Укажу здесь лишь одну книгу: [Ассман, 2019].

насаждение православия и ислама; разгул национализма, поощрение властями (центральными и местными) националистической пропаганды, ущемление прав «некоренного» населения, нагнетание в связи с войной в Чечне ксенофобии [Тарасов, 2005, с. 417–419].

Такова была ситуация в начале 2000 г., когда Россия официально провозгласила попытку «встать с колен». Однако ни один из указанных трендов до сих пор не преодолен. «Вставание с колен» закончилось переходом от реформ к реакции [Олейник, 2011]. Поэтому обобщение индивидуальных процессов осознания противоречия между советской, а затем российской официальной политикой и реальностью становится одним из направлений мысли. Начну с описания фрагментов своего опыта.

Одно из первых воспоминаний детства — приход в наш дом комиссии по сбору подписей в защиту мира. Это произошло как раз в тот период времени, когда СССР изготавливал свою атомную бомбу. В том же блоке воспоминаний находится множество песен, которые мое поколение пело в детском, юношеском и зрелом возрасте: от «Марша демократической молодежи мира» через «Бухенвальдский набат» до «Слышишь, солдат». Во всей этой песенной продукции идея мира и отрицания войны является центральной, хотя одновременная подготовка СССР к будущей войне не прекращалась ни на минуту. Сегодня за публичное исполнение таких песен можно попасть под репрессии.

Однако воспроизводство советского опыта опирается на мощную поколенческую базу. Сегодня в России более 40 млн пенсионеров. Из них почти 15 млн старше 70 лет. Существующие в этих рамках возрастные когорты составляют больше четверти населения страны. Неужели все они привыкли «колебаться вместе с линией», как говорил герой одного из советских анекдотов? Не полезнее ли опереться на опыт людей, раньше других осознавших противоречие между официальной политикой СССР и обладавших мужеством оценивать ее конкретные действия?

Вдохновляющий пример для ответа на вопросы можно найти в мемуарах В. В. Соколова. В августе 1939 г. он записал в своем дневнике осуждение Пакта о ненападении между СССР и Германией, а речь Молотова при заключении пакта назвал софистической. Но при переселении студентов из одного общежития в другое забыл дневник в прикроватной тумбочке. Дневник нашел сокурсник и передал в комитет комсомола. Год спустя Соколова исключили из комсомола «за двурушничество и осуждение последних мероприятий партии во внешней политике». По поводу этого события В. В. Соколов пишет: «Хотя «двурушничество» и было закономерным явлением, следствием, в сущности, навязанным официальной идеологией, оно при этом было явлением массовым, характерным для «нового человека», о котором трубили все средства пропаганды» [Соколов, 2016, с. 15].

Итак, свидетельство авторитетного философа и человека, пережившего все обстоятельства заключения и реализации «пакта о ненападении», однозначно: массовость двурушничества есть следствие советской официальной идеологии. Одновременно официальная квалификация искреннего мнения покойного Василия Васильевича как «двурушничества» связана с резким изменением политического курса правительства СССР в 1939 г. Однако по отношению к собственной совести Соколов никаким «двурушником» не был. Наоборот: он стремился провести строгую грань между фашизмом и антифашизмом не только во внешней политике, но и в принципах политического мышления и поведения. Ведь его мнение исключало любое сотрудничество не только с фашистским государством, но

с людьми, исповедующими его нравственно-политические ценности. Говорить о таких «ценностях» вполне уместно, поскольку события 1920–1940 гг. в Болгарии, Италии, Венгрии, Румынии, Испании, Франции и Германии превращали фашизм в «характеристику эпохи» [Нольте, 2001], споры вокруг которой не прекращаются [Гинцберг, 2001, с. I–VIII]. Значит, не только отдельные индивиды, но и целые поколения подвергались угрозе заражения бациллами фашизма. И потому любые акты индивидуального сопротивления этой эпидемии приобретали всеобщее значение. И наоборот: любые прагматические соображения в пользу сотрудничества с фашизмом по правилам элементарной логики попадают под подозрение. Ведь именно во мнении Соколова содержалось предвидение тех последствий принятого Сталиным политического решения², которые до сих пор порождают и в обозримом будущем будут порождать противоположные оценки. Значит, общая проблема сводится к анализу связи между резкими изменениями политического курса правительства в целях идеологического оправдания произвола высшего уровня политической иерархии под предлогом краткосрочной политической выгоды и специфическим пониманием прагматизма. Основатели прагматизма перевернулись бы в гробу, если бы их назвали в числе обоснователей Пакта о ненападении.

Именно мнение Соколова (обычного студента в то время) было истинным и обладало политической правотой. Теперь учтем факт: в феврале 2022 г. произошел резкий поворот от традиционной советской идеологии мира к российской политике войны, которая из нелегальной войны [Клямкин, 2018, с. 267–539], спровоцированной Россией на Украине [Неретина, 2016, с. 73], превратилась в СВО — словно для подтверждения известного тезиса П. Бурдые о том, что власть всегда стремится дать свои названия тем действиям, которые она осуществляет. Правда, в отношении СССР надо уточнить данный тезис. В этой стране произошло огосударствление языка — всего корпуса имен и названий. Обыденные или просто логические связи между названиями и вещами-фактами были отняты у индивида, экспроприированы навсегда. Государственное слово могло обозначать какой угодно предмет, в соответствии с произволом вершины политической иерархии — узурпатора всех слов, смыслов, вещей и душ. Можно сформулировать даже правило советской лексики: чем более никчемными были факты, тем более помпезными становились названия.

Для дистанцирования от этой традиции достаточно внимательно прочесть мемуары П. А. Судоплатова о планах диверсионно-разведывательных операций, которые разрабатывались в последние годы правления Сталина для осуществления в странах Западной Европы с учетом перспективы третьей мировой войны [Судоплатов, 1996]. Даже чтение наталкивает на вопрос: не происходит ли на Украине реализация этих планов? Во всяком случае, разработка идеи В. В. Соколова состоит в изучении механизмов трансляции официального советского двурушничества и огосударственного языка (т. е. реального двоемыслия) в современную Россию.

Я хотел бы особо подчеркнуть важность индивидуального осознания межуточного состояния, в которое систематически ввергает собственное население политика правительства страны. Могу опереться на опыт родителей, которые на конкретных примерах

---

² Речь идет об официальном аргументе о необходимости «обеспечения мира» для СССР, который (мир) на деле (по Пакту о ненападении) предполагал захват Советским Союзом части Польши, всей Латвии, Эстонии, Литвы, Буковины и Бессарабии.

показывали мне с детства дистанцию между официальной версией событий и реальной действительностью.

Уроки отца состояли в том, что он резко отрицательно относился к роману С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (за которую автор получил Сталинскую премию). Папа лично знал автора и его холуйский нрав еще с довоенных времен, когда они сообща постигали азы изображения действительности на курсах рабочих корреспондентов. То же самое отношение у него было к фильму «Кубанские казаки». В книге и фильме не было даже намека на то, что значительная часть кубанских казаков сотрудничала с оккупантами, а затем ушла на Запад вместе с ними. После войны массы населения Кубани и Дона были деморализованы. Но в обоих случаях — толстого романа и кинофильма — вместо горькой правды писатели и сценаристы преподнесли публике элементарную ложь, инициированную Сталиным. Ложь воспроизводится до сих пор: роман переиздается, фильм регулярно крутят по ТВ. Доход в казну государства поступает. Стало быть, в обоих случаях воспроизводится древнеримская мудрость «Деньги не пахнут» (напомню, что поговорка возникла после введения налога на сортиры). Можно в этой связи сослаться и на мнение И. С. Аксакова почти двухсотлетней давности: «Все лгут для удостоверения требований официальной лжи, какого-то страшного чудовища, именуемого в России порядком и скупающего Россию» [Аксаков, 2004, с. 391]. При этом «В военном ведомстве воровство в тысячу раз сильнее, чем в гражданском» [там же, с. 417]. И общий приговор Ивана Сергеевича: «Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов — отцов и благодетелей взяточников!.. В моем воображении предстал весь образ управления всей махинации административной... что ни говорите в защиту этой почвы, но несомненно то, что на всей этой мерзости лежит собственно ей принадлежащий русский характер!» [там же, с. 416].

На всю жизнь мне запомнился поступок отца: он начал разбираться в низких расценках за погрузо-разгрузочные работы, писать в газеты и партийные органы вплоть до ЦК КПСС о фактической эксплуатации трудящихся. За это его исключили из партии... Однако уже давным-давно спрашиваю знакомых коллег-экономистов: кто всерьез занимается проблемой эксплуатации в СССР/России? Внятного ответа до сих пор не получил. Хотя общий ориентир давно подсказал В. Паперный при обсуждении вопроса об изменении в соотношении зарплаты между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми работниками после ноября 1917 года: «Реальное соотношение их материального положения можно было бы узнать, лишь выяснив их принадлежность к той или иной категории закрытых распределителей и других систем внеденежного поощрения. Я склонен думать, что реальное соотношение уровней жизни приблизилось в культуре 2 к тому, которое было утверждено петровским указом 1711 г.: годовой оклад генерал-фельдмаршала составлял 12 000 рублей, молодого писаря 12 рублей, то есть соотношение приближалось к 1:1000» [Паперный, 2022, с. 121].

Мама рано заметила мою книжную страсть и сказала: «В книжках и газетах не больше пяти процентов правды». Тем самым она подтолкнула меня к поиску такой книжно-журнальной продукции, в которой истина преобладала над ложью. Правда была одной из основных ценностей нашей семьи. Это означало дистанцирование от официальной версии событий советской истории, в котором проводниками для меня были родители.

С детства постоянно слышал от мамы: «Будь проклята эта война. До войны я была такая преданная, после войны никому не верю». Отец говорил то же самое. Потом я узнал ту же мудрость из чтения В. Астафьева, В. Быкова, В. Гроссмана. В концентрированном виде ее сформулировал Н. Никулин: «Война всегда была подлостью, а армия, инструмент убийства — орудием зла. Нет и не было войн справедливых, все они, как бы их ни оправдывали — античеловечны. Солдаты же всегда были навозом. Особенно в нашей великой державе и особенно при социализме» [Никулин, 2014, с. 127]. Эти слова приобретают особую вескость — их автор прошел всю войну на передовой, преимущественно простым солдатом.

Мама принимала участие в организации колхозов в районе всем известной (по роману «Как закалялась сталь») пограничной Шепетовки и была за это рекомендована в совпартшколу. Однако в 1933 г. была вынуждена бежать от голодомора на Кубань к брату. Тот получил квартиру на станции Кавказской (из которой были выселены участники восстания против советской власти) в качестве компенсации за то, что гонялся в составе Красной армии за среднеазиатскими басмачами на протяжении второй половины 1920-х гг.

Среди прочего опасность советской власти состояла в том, что она вовлекала массы людей в исполнение решений, которые позже подлежали переоценке. Об этом опыте отец высказывался вполне определенно: «Советская власть не хочет оставлять в живых свидетелей ее дел». Оба родителя утверждали: «НКВД и гестапо одного поля ягоды». Они намного раньше сообщили мне истину, о которой узнал потом: Сталин во время одной из встреч с официальным лицом Германии назвал Берия «нашим Гиммлером». Тексты Ханны Арендт и множества других мыслителей и наблюдателей теоретически обосновали эту параллель. Накануне войны, в 1939 г., родителей-железнодорожников из Кубани направили в район прежней советско-польской границы. С момента начала советско-германской войны оба были свидетелями поведения господствующих меньшинств СССР во время эвакуации. С детства рассказывали мне то, что появилось в открытой печати только недавно [Александров, 2011]. Прежде всего о том, что представители власти первыми бежали — вместо организации обороны от врага и честной гибели. Сейчас об этом можно прочесть (на примере поведения москвичей в октябре 1941 г.) даже в дневнике сына Марины Цветаевой [Эфрон, 2007, с. 36–60]. Этот паренек был настолько проницателен в возрасте 16 лет, что 10 ноября 1941 г. предсказал: советский «опыт» строительства социализма «...даже в случае победы над Германией, окончательно провалится. Он приносит всем слишком много несчастья» [там же, с. 109].

В декабре 1953 г. отец принес газету и сказал: «Прочти, сынок, кто нами руководил» (так я узнал о расстреле Берии и его соратников). Летом 1956 г. отец со своим другом (инвалидом-орденоносцем Отечественной войны, которому оторвало ногу в бою под Москвой в декабре 1941 г., а застрелиться он не успел — потерял сознание) обсуждали газету, в которой был опубликован материал о преодолении культа личности и его последствий. Из разговора я понял, что Сталин — «враг народа» (таков был тогда идеологический жаргон). Первого сентября 1956 г. мы пришли в школу и расстреляли портрет Сталина из рогаток. Навсегда запомнил выражение ужаса на лице директора, заглянувшего в класс. В начале 1957 г. в гости приехала старшая сестра, которая вышла замуж за человека, подавлявшего венгерское восстание 1956 г. Тогда оно называлось

«мятежом», сегодня — «революцией». Шурин мне рассказывал, как наши солдаты били из танков по будапештским домам, расстреливали мадьяр и гадили в их квартирах.

С 8-го класса я учился в школе-интернате № 1 станции Туапсе для детей малоимущих железнодорожников. В начале 10-го класса мы с друзьями выработали жизненную программу — совместное овладение знаниями в сфере истории, литературы, философии. Мы знали, что учиться сразу на всех гуманитарных факультетах невозможно. Поэтому собирались поступать на разные факультеты, а знания передавать друг другу в процессе общения. Мы знали, что советское государство не является справедливым, хотя с детства нам в школе вбивали в голову противоположную мысль. На основе небольшого жизненного опыта мы сообщаем уже в возрасте 14–15 лет пришли к истине: советское государство стоит на лжи. Ложь мы видели постоянно, по русской традиции смешивая ее с несправедливостью.

Приведу лишь один пример, подтолкнувший к такому выводу. Родители нас научили: берешь что-то в долг — надо честно и быстро его отдать. Поэтому в наш ум не помещался пережитый всеми в детстве факт советской истории: с каждой получки наши отцы и матери были обязаны приобретать облигации государственного займа. Сколько я ни спрашивал родителей, когда же им отдадут долг, — ничего вразумительного в ответ не получил. Отец и мать умерли, облигации истлели на чердаке. Тот же опыт приобрело большинство моих ровесников.

Отсюда мы еще в ранней юности сделали вывод: норма человеческого поведения — честно отдать долг; государство эту норму не соблюдает; значит, оно грабит население; все, кому «за державу обидно» (как пропагандировал советский вестерн), лгут вслед за державой.

Мой ровесник и друг, покойный профессор Э. И. Колчинский описал наше поколение как множество определенных норм и идеалов поведения: оценка друг друга с точки зрения личных достоинств и индивидуальных способностей, а не происхождения, богатства, конкуренции; сопротивление стандартам советского ученика и комсомольца; приоритет дружбы над официальным коллективизмом, завистью и социальной дифференциацией; уважение к способным, предприимчивым, смелым, независимым и сильным; презрение к подхалимам, зубрилам, доносчикам, представителям правоохранительных органов (прежде всего чекистам) и прочим «бдительным гражданам»; чтение с утра до вечера классической литературы, а не детективов и книг про «войнушку» [Колчинский, 2014, с. 111]. Подчеркну, что эта система ценностей сложилась у нашего поколения уже в возрасте 15–16 лет.

На этом основании полагаю: аксиологическая сфера формируется намного раньше логико-гносеологической и, видимо, определяет большинство последующих выборов. Специфика системы ценностей, сложившейся в условиях культивируемой сверху межумочности, состоит в умении при любых обстоятельствах культивировать дистанцию между официальной идеологией и политикой и их реальным протеканием. По этой причине внутри всех советских и постсоветских поколений тлеет конфликт, а некоторые профессиональные группы заинтересованы в монополии на официальную версию событий. Частным случаем этой общей тенденции является нынешняя борьба с «фальсификацией истории» и стремление насадить некие «традиционные ценности», идеалом которых считается дореволюционная Россия. Это стремление свидетельствует лишь о дремучем невежестве политиков и пропагандистов, которым неизвестно элементарное знание о противоречиях любых систем ценностей [Макаренко, 2013, с. 65–80]. Кроме того, на основе анализа всего корпуса русских песен доказано, что отчуждение правительства от

народа в России до революции было универсальным. В XIX в. исчезли песни, «...описывающие преступления с правительственной точки зрения и значительно возросло количество песен, призывающих людей к совершению преступлений против правительства. Высшие классы сыграли решающую роль в этом процессе, так как, в основном, высшие классы сочиняли и те, и другие песни» [Джекобсон, Джекобсон, 2006, с. 39].

Под влиянием событий 2014 г. Институт философии РАН поставил задачу разработки контридеологической аналитики. Для ее выполнения можно опереться на жизненный опыт и рефлексию А. Тойнби. Он не только изучил изменения в характере войны на протяжении последних двух столетий и в отношении к ней людей, но и снабдил свою рефлексию личным опытом непосредственного переживания первой и второй мировых войн. Синтез того и другого выразился в формулировке выдающимся современным мыслителем ключевой проблемы: войны XX в. заставили многих людей и целые страны отбросить традиционное согласие с институтом войны и веру в неистребимость этого института. «Лично я, — пишет он, — страшно с себя традиционное отношение к войне раз и навсегда после гибели в Первой мировой войне половины моих друзей по школе и университету. Многие отдали свои жизни с верой: они жертвуют собой в «войне, которая покончит с войной» [Тойнби, 2003, с. 190]. В 1914 г. он пришел к убеждению: война не является ни достойным уважением институтом, ни простительным грехом; война — это преступление. Стало быть, проблема смещается к созданию корпуса всемирных, страновых и локальных источников критического отношения к институту войны и осознания войны как преступления.

Для решения этой проблемы Тойнби сформулировал исходный постулат и систематизировал аргументы данного направления интеллектуально-политического труда [Тойнби, 2003, с. 188–212]: на протяжении последних 5000 лет ни одно правительство не обладало моральным оправданием начала войны, даже с самыми чистыми целями. Поэтому «справедливая» война в защиту своей (другой) страны — это трагическая необходимость. В процессе ее осознания требуется описать меру бессердечия всех организаторов и вдохновителей войн, подвергнуть критике собственную нацию и государство, провести сравнительное исследование воинственности наций и государств, ликвидировать институты воспроизводства варварского обычая военных зверств (особенно на протяжении последних двух столетий) вплоть до игры в солдатики, отбросить идеологию победы по причине ее иллюзорности, осознать всемирный урок поражения Германии и Японии во Второй мировой войне и критически отнестись к способам трансляции «воинственного мира» в нынешний день.

Речь идет о милитаризме. А. Тойнби предлагает описывать его по двум симптомам: вооруженные силы образуют «государство в государстве»; вместо контроля со стороны гражданской исполнительной и законодательной власти и избирателей они имеют возможность действовать как независимая господствующая сила в государстве; вооруженные силы милитаризованной страны состоят из призывников, мобилизованных на военную службу, и эти войска, сформированные на основе закона о воинской повинности, являются инструментом в руках профессиональных офицеров, организованных и пронизанных корпоративным духом. Особенно важно учитывать влияние милитаризма на экономическую, политическую, идеологическую, когнитивно-образовательную и культурную сферы общества.

Укажу здесь некоторые направления конкретизации концепции Тойнби в отношении России.

Прежде всего требуется разработка веберовского концепта *инакомыслящих меньшинств*, который введен М. Вебером при описании различия между договорными и октроированными порядками: «Ведь если значимость договорного порядка зиждется не на *единодушно* (*курсив Вебера. — В. М.*) одобренном соглашении (что в прошлом считалось необходимым для подлинной легитимности), а на фактическом подчинении инакомыслящего меньшинства (как часто происходит на деле), то на практике имеет место навязывание воли большинства меньшинству» [Вебер, 2016, с. 96]. Видимо, не надо доказывать, что никакого единодушия в сфере философского знания достичь невозможно. Советская попытка навязать («октроировать» в языке Вебера) такое единодушие в отношении официальной политики может рассматриваться как частный случай универсального вывода М. Вебера: победа большинства оказалась видимостью [там же].

Процесс осознания этой видимости на примере шести поколений советских и постсоветских философов детально описан в сборнике под редакцией Ю. В. Синеокой. Его можно использовать для конституирования социологии советских идеологических сословий, в рамках которых возник и развивался конфликт между научной и философской истиной, советской политикой и идеологией. Особенно важно изучение методов борьбы с официальным единодушием.

Для описания процесса дистанцирования части философского сообщества от советского идеологического контекста Э. Ю. Соловьев ввел концепты *кафедральных уродцев*, *неортодоксии* и *Вандеи догматиков*. Они означают: господствующий тип философов МГУ, которые готовили из студентов начетчиков, доносчиков и штамповщиков идеологических ярлыков; определение позиции Ильенкова-Коровикова-Зиновьева (по образу мысли молодого Лютера) как ортодоксии против догмы; сопротивление неортодоксии со стороны советской кафедральной философии и политпросвета на протяжении 1954–1991 гг. [Соловьев, 2022, с. 287–319].

С. С. Неретина ввела различие между политическим и профессиональным диссидентством на основе анализа творчества В. С. Библера, М. Я. Гефтера, М. К. Петрова, А. П. Огурцова, В. В. Бибахина [Неретина, 2022, с. 379–430]. Каждый из них создал свою модель когнитивного сопротивления и связанные с нею концепции. Ни одна из них до сих пор не устарела.

Например, если нынешняя власть навязывает общественному сознанию представление о противоположности России и Запада, то М. К. Петров создал концепцию для анализа единой мировой цивилизации. Если в марксизме господствует представление об истории как естественно-историческом процессе, то М. Я. Гефтер представлял историю как Выбор и движение Выбора, подошедшего к концу. Если нынешние официальные лица публично заявляют о желании возродить 1000-летнюю Россию, то Гефтер показал их тщетность, поскольку русская история является прерывной. «Если у политика-лидера нет сознания этой опасной прерывности русской истории, — пишет Светлана Сергеевна, — он сам опасен для России. Без сознания страны в ней нельзя правильно действовать, историческая интуиция должна подсказывать государственные шаги» [Неретина, 2022, с. 400]. Причиной конца истории являются разнообразные «гибриды»: смешение абсолютного зла с абсолютным добром. А. П. Огурцова интересовал метод перевода жестко

политизированной философии на такой уровень понимания, который позволил бы ему оказаться при ее начале, что позволило бы обнаружить степень и возможности становления этой философии идеологией. С этой точки зрения марксизм интересен как завоеватель мира.

Короче говоря, важны индивидуальные перипетии сопротивления различным формам и методам давления власти на интеллектуальное сообщество и развитие концепций профессионального инакомыслия во всей структуре общественных наук — в конфронтации с очередным вариантом государственной идеологии. В настоящее время под видом «духовных скреп» воспроизводятся идеологические схемы позднего сталинизма. Этот тренд опирается на советскую традицию: большинство преподавателей философских факультетов оставалось анонимным, аморфным, провластным или нейтральным в силу их собственной серости и косности. Светлана Сергеевна показала, что на рубеже 1960–1970 гг. сформировался слой людей, готовых поддерживать как либералов, так и консерваторов, вырабатывался жизненный аморализм. В дискуссиях по поводу новых концепций культивировались приемы следственных практик: втягивание людей, не желавших ни защищать, ни глумиться над конкретными лицами и концепциями.

Особенно интересной мне кажется квалификация С. С. Неретиной времени после 2000 года как двух крушений: нового мира 1960-х; постоянного реформирования нового мира начала XXI в. Имя новому «новому миру» — гибридность, в составе которого она выделяет петрогосударство, коммерческое государство, институты сетевых структур. Этому миру тоже присущ рост социальной напряженности, возникший вследствие социального неравенства, разного доступа к образованию, обезличенности: люди в масках, сериалы с одинаковыми сюжетами, неиграющими актерами, бесконечные безумные суды и странные войны, каждая из которых милитаризует сознание и делает убийство нормой, поставившей под вопрос саму необходимость философии как действительно дающее обоснование бытию и мышлению и как свободомыслие. Философ старается вмешаться в социальный процесс, не будучи готов к изменившимся обстоятельствам. Возникающий сейчас новый межпоколенческий разрыв — одно из выражений обескураженности, ибо гибридность государства состоит не в сочетании автократии с незавершенной демократией, а в новом качестве государства-нефтедобытчика, которое в силу того, что добыча нефти не требует большой трудоемкости, становится независимым от народа, независимым от налогов, а потому способно пресекать всяческую активность, в основном направленную на восстановление гуманистических принципов. Если учесть, что в основе этого государства, имеющего дело с массой населения, лежит патерналистская модель социальной политики, в которой тоталитаризм не изжит, то его последствием будет рост социальной пассивности граждан, которые будут уповать на государство в решении социальных проблем, т. е. снова обращаться к прошлому. В целом нынешнее государство разрушило старую матрицу и способствовало полному отчуждению России от цивилизации.

Концепция А. Тойнби может быть усилена также за счет использования антропологических исследований структуры человеческого мозга, в составе которого

находится три пласта [Армстронг, 2022, с. 13–14]³, и общего вывода: «В войне берет верх рептильная безжалостность, один из сильнейших человеческих стимулов» [там же, с. 16]. Распределение указанных видов мозга в соответствии с социальной, национальной и профессиональной структурой общества требует особого анализа.

Что касается российской меры рептильной безжалостности, то существует традиция постановки этой проблемы А. М. Горьким [Горький, 1922], а также публицистические труды, посвященные современному российскому милитаризму [Гольц, 2004; Гольц, 2019] и проблеме его адекватного отражения в журналистике и публицистике [Никитинский, 2017], которые требуют политико-философского обобщения в контексте поставленной проблемы.

Литература

1. Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. В 3 томах. Т. 2: Письма 1849–1857 гг. — М.: Русская книга, 2004. — 576 с.
2. Александров К. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. — М.: Скрипториум, 2011. — 135 с.
3. Арндт Х. Люди в темные времена. — М.: Московская школа политических исследований, 2003. — 311 с.
4. Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия / Перев. с англ. Г. Ястребова. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022. — 537 с.
5. Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2002. — 871 с.
6. Арон Р. Мир и война между народами / Перев. с англ. Ю. А. Школенко; под общ. ред. В. И. Даниленко. — М.: Nota bene, 2000. — 880 с.
7. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / Перев. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с.
8. Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / Перев. с англ. А. И. Самариной; науч. ред. М. А. Симакова. — СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2019. — 296 с.
9. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. Т. 1: Социология / Перев. с нем; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. — 445 с.
10. Гинцберг Л. И. Предисловие к русскому изданию // Э. Нольте. Фашизм в его эпохе / Перев. с нем. А. И. Федорова; пред. Л. Гинцберга. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — С. I–VIII.

³ Старый мозг унаследован от рептилий, выползших из первобытного ила 500 млн лет назад. Рептилии были озабочены только выживанием, лишены альтруизма, подчинялись инстинктам, которые побуждали есть, сражаться, убегать и размножаться. Так закреплялись и усиливались эгоистические импульсы. Затем (примерно 120 млн лет) развился лимбический пласт, мотивировавший воспитание и защиту потомства, формирование союзов, важных для борьбы за выживание. Около 20 000 лет назад у людей развился новый мозг, отвечающий за способность к рассуждению и самосознание, которое позволяет не поддаваться первобытным инстинктам. [Армстронг, 2022, с. 13–14].

11. Гольц А. Армия России: 11 потерянных лет. — М.: Захаров, 2004. — 222 с.
12. Гольц А. Военная реформа и российский милитаризм. — СПб.: Норма, 2019. — 359 с.
13. Горький А. М. О русском крестьянстве. URL: <http://www.ruj.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm> (дата обращения: 31.08.2023).
14. Джекобсон М., Джекобсон Л. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 г.). — М.: Издательство СГУ, 2006. — 503 с.
15. Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. Том 2. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 600 с.
16. Клямкин И. М. Какая дорога ведет к праву? — М.: Либеральная миссия, 2018. — 231 с.
17. Колчинский Э. И. Так вспоминается... — СПб.: Нестор-История, 2014. — 571 с.
18. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / Перев. с нем. Г. Ф. Швейника. — М.: Прогресс: Изд. фирма «Универс», 1994. — 269 с.
19. Макаренко В. П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. — Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 2013. — 448 с.
20. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. — 1038 с.
21. Неретина С. С. Инакомыслящие // Философские поколения / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — С. 379–430.
22. Никитинский Л. Апология журналистики (в завтрашний номер: о правде и лжи). — М.: Мысль, 2017. — 238 с.
23. Никитинский Л. Ментовское государство как вид. URL: <http://www.ruj.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm> (дата обращения: 31.08.2023).
24. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. — М.: АСТ, 2014. — 357 с.
25. Нольте Э. Фашизм в его эпохе / Перев. с нем. А. И. Федорова; пред. Л. Гинцберга. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — 568 с.
26. Огурцов А. П. Предисловие // Подвластная наука? Наука и советская власть [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; сост., науч. ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. — М.: Изд-во «Голос», 2010. — 814 с.
27. Олейник А. Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 440 с.
28. Паперный В. Культура Два. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 412 с.
29. Синеокая Ю. В. Философское поколение эпохи перемен // Философские поколения / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — С. 702–715.
30. Соколов В. В. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника / 2-е изд., доп. и испр.; ред. А. В. Никандров / Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. — Москва: Воробьев А. В., 2016. — 132 с.

31. Соловьев Э. Ю. «Философы-шестидесятники»: послевоенное братство отцов и детей // *Философские поколения* / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. — М.: Издательский дом ЯСК, 2022. — С. 287–319.
32. Судоплатов П. А. *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля.* — М.: Гея, 1996. — 507 с.
33. Тарасов А. *Революция не всерьез.* — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. — 519 с.
34. Тойнби А. Дж. *Пережитое. Мои встречи* / Перев. с англ. М. Ф. Носовой, Н. А. Кудашевой. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 665 с.
35. *Философ и наука. Александр Павлович Огурцов* / Отв. ред. С. С. Неретина. — М.: Голос, 2016. — 538 с.
36. Эфрон Г. С. *Дневники в 2 т. Т. 2: 1941–1943 гг.* / подгот. текста, предисл., примеч. Е. Б. Коркина, В. К. Лосская. — М.: Вагриус, 2007. — 368 с.

References

1. Aksakov I. S. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'mah. V 3 tomah. T. 2: Pis'ma 1849–1857 gg.* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters. In 3 volumes. Vol. 2: Letters 1849–1857]. Moscow: Russkaya kniga, 2004. 576 p. (In Russian.)
2. Aleksandrov K. *Pod nemcami. Vospominaniya, svidetel'stva, dokumenty* [Under the Germans: memoirs, testimonies, and documents]. Moscow: Skriptorium, 2011. 135 p. (In Russian.)
3. Arendt H. *Lyudi v temnye vremena* [Men in dark times]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2003. 311 p. (In Russian.)
4. Armstrong K. *Polya krovi: Religiya i istoriya nasiliya* [Fields of blood: religion and the history of violence], trans. by G. Yastrebov. Moscow: The Alpina Non-Fiction, 2022. 537 p. (In Russian.)
5. Aron R. *Memuary: 50 let razmyshlenii o politike* [Memoirs: fifty years of political reflection]. Moscow: Lodomir nauchno-izdatel'skii centr, 2002. 871 p. (In Russian.)
6. Aron R. *Mir i voyna mezhdu narodami* [Peace and war between nations], trans. by Yu. A. Shkolenko; ed. by V. I. Danilenko. Moscow: Nota bene, 2000. 880 p. (In Russian.)
7. Assman A. *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Oblivion of history — obsession with history], trans. from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 p. (In Russian.)
8. Bauman Z., Donskis L. *Tekuchee zlo: zhizn' v mire, gde net al'ternativ* [Liquid evil: living in a world where there are no alternatives], trans. from English by A. I. Samarin, ed. by M. A. Simakova. St. Petersburg: Ivan Limbakh Press, 2019. 296 p. (In Russian.)
9. Dobrenko E. *Pozdnii stalinizm: estetika politiki. Tom 2* [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics. Vol. 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 600 p. (In Russian.)
10. Эфрон Г. С. *Дневники: в 2 т. Т. 2: 1941–1943 гг.* [Diaries: in 2 vol. Vol. 2: 1941–1943], prep. text, preface, notes by E. B. Korkina, V. K. Losskaya. Moscow: Vagrius, 2007. 368 p. (In Russian.)
11. *Filosof i nauka. Aleksandr Pavlovich Ogurtsov* [Philosopher and science: Alexander P. Ogurtsov], ed. by S. S. Neretina. Moscow: Golos, 2016. 538 p. (In Russian.)

12. Gintsberg L. I. “Predislovie k russkomu izdaniyu” [Foreword to the Russian edition], in: E. Nolte, *Fashizm v ego epohe* [Fascism in his era], trans. from German by A. I. Fyodorov, foreword by L. Gintsberg. Novosibirsk: Sibirskii hronograf, 2001, pp. I–VIII. (In Russian.)
13. Golts A. *Armiya Rossii: 11 poteryannyh let* [The Russian Army: 11 Lost Years]. Moscow: Zakharov, 2004. 222 p. (In Russian.)
14. Golts A. *Voennaya reforma i rossiiskii militarizm* [Military reform and the Russian militarism]. St. Petersburg: Norma, 2019. 359 p. (In Russian.)
15. Gor'kii A. M. *O russkom krest'yanstve* [About the Russian peasantry]. URL: [<http://www.ru.j.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm>, accessed on 31.08.2023]. (In Russian.)
16. Jakobson M., Jakobson L. *Prestuplenie i nakazanie v russkom pesennom fol'klоре (do 1917 g.)* [Crime and Punishment in Russian Song Folklore (until 1917)]. Moscow: SSU Press, 2006. 503 p. (In Russian.)
17. Klyamkin I. M. *Kakaya doroga vedet k pravu?* [What road leads to law?]. Moscow: Liberal'naya missiya, 2018. 231 p. (In Russian.)
18. Kolchinskii E. I. *Tak vspominaetsya...* [So I remember...]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 571 p. (In Russian.)
19. Lorenz K. *Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo»)* [Aggression (the so-called "evil")], trans. from German by G. Ph. Shveinik. Moscow: Progress-Universe Press, 1994. 269 p. (In Russian.)
20. Makarenko V. P. *Russkaya vlast': teoretiko-sociologicheskie problemy* [Russian power: theoretical and sociological problems]. Rostov-on-Don: NCSC HE, 2013. 448 p. (In Russian.)
21. *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays], ed. and comp. by E. I. Kolchinskii. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. 1038 p. (In Russian.)
22. Neretina S. S. “Inakomyslyashchie” [Dissenters], in: *Filosofskie pokoleniya* [Philosophical generations], comp., resp. ed. Yu. V. Sineokaya. Moscow: YaSK Publishing House, 2022, pp. 379–430. (In Russian.)
23. Nikitinskii L. *Apologiya zhurnalistiki (v zavtrashnii nomer: o pravde i lzhi)* [Apologia of journalism (in tomorrow's issue: about truth and lies)]. Moscow: Mysl', 2017. 238 p. (In Russian.)
24. Nikitinskii L. *Mentovskoe gosudarstvo kak vid* [Cop state as a species]. URL: [<http://www.ru.j.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm>, accessed on 31.08.2023]. (In Russian.)
25. Nikulin N. N. *Vospominaniya o voine* [Memories about the war]. Moscow: ACT, 2014. 357 p. (In Russian.)
26. Nolte E. *Fashizm v ego epohe* [Fascism in his era], trans. from German by A. I. Fyodorov, foreword by L. Gintsberg. Novosibirsk: Sibirskii hronograf, 2001. 568 p. (In Russian.)
27. Ogurtsov A. P. “Predislovie” [Foreword], in: *Podvlastnaya nauka? Nauka i sovetskaya vlast'* [Subject science? Science and Soviet power], comp., scientific ed. by S. S. Neretina, A. P. Ogurtsov. Moscow: Golos Press, 2010. 814 p. (In Russian.)

28. Olejnik A. N. *Vlast i rynek: sistema socialno-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii «nulevyh» godov* [Power and the market: the system of socio-economic domination in Russia in the "zero" years]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 440 p. (In Russian.)
29. Papernyi V. *Kul'tura Dva* [Culture two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 412 p. (In Russian.)
30. Sineokaya Yu. V. "Filosofskoe pokolenie epohi peremen" [Philosophical generation of the era of change], in: *Filosofskie pokoleniya* [Philosophical generations], comp. and resp. ed. Yu. V. Sineokaya. Moscow: YaSK Publishing House, 2022, pp. 702–715. (In Russian.)
31. Sokolov V. V. *Filosofskie stradaniya i prosvetleniya v sovetskoj i postsovetskoj Rossii. Vospominaniya i mysli zapozdalogo sovremennika* [Philosophical sufferings and enlightenment in Soviet and post-Soviet Russia. Memoirs and thoughts of a belated contemporary], 2nd ed., add. and correct., ed. by A. V. Nikandrov; Faculty of Philosophy of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Moscow: A. V. Vorobyov, 2016. 132 p. (In Russian.)
32. Solovyov E. Yu. *Filosofy-shestidesyatniki: poslevoennoe bratstvo otcov i detei* [Philosophers of the sixties: post-war brotherhood of fathers and children], in: *Filosofskie pokoleniya* [Philosophical generations], comp. and resp. ed. Yu. V. Sineokaya. Moscow: YaSK Publishing House, 2022, pp. 287–319. (In Russian.)
33. Sudoplatov P. A. *Razvedka i Kreml'. Zapiski nezhelatel'nogo svidetelya* [Intelligence and the Kremlin. Notes of an unwanted witness]. Moscow: Geya, 1996. 507 p. (In Russian.)
34. Tarasov A. *Revoluciya ne vs'er'ez* [Revolution is not serious]. Ekaterinburg: Ultra-Cultura, 2005. 519 p. (In Russian.)
35. Toynbee A. J. *Perezhitoe. Moi vstrechi* [Experiences. Acquaintances], trans. from English by M. Ph. Nosova, N. A. Kudasheva. Moscow: Ayris Press, 2003. 665 p. (In Russian.)
36. Weber M. *Hozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sociologii: v 4 t. T. 1: Sociologiya* [Economy and society: essays on interpretive sociology, 4 vol. Vol. 1: Sociology], trans. from German, comp., ed. and foreword by L. G. Ionin. Moscow: The National Research University Higher School of Economics, 2016. 445 p. (In Russian.)

The problem of reproduction of Stalinism: from military-industrial complex to reptilian reactions

Makarenko V. P.,

Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor,
Chief Researcher, Center for Political Conceptology,
Institute of Philosophy, Social and Political Sciences
Southern Federal University,
vpmakar1985@gmail.com

Abstract: Russia occupies one of the leading positions in arms production and arms trade, yet abstracts away from the moral and political problems arising for this reason. The current article attempts to comprehend this fact and considers the general tendencies of post-Soviet Russia and its transition from reforms to reaction after 2000. To pursue this aim, the author proposes to use the experience of V. V. Sokolov, the famous historian of philosophy. In addition, V. P. Makarenko formulates the general problem of the connection between abrupt changes in political course of the government to ideologically justify the high-level arbitrariness of political hierarchy under the pretext of short-term political gain and a distinct understanding of pragmatism.

The author also uses his personal experience in the awareness and understanding of this problem and shows that the axiological sphere is formed much earlier than the logical-epistemological one determining this way the majority of subsequent choices. Moreover, the article shows that the specificity of the value system developed in the conditions of intermediacy imposed from the top consists in the ability to cultivate distance between the official ideology and the politics of the version and their actual development under all circumstances. In this context, alternatives to the existing order of things are further considered.

Keywords: Stalinism, modern Russia, military-industrial complex, Soviet and modern duplicity, intermediate state.